

ВНУТРЕННЯЯ НЕЗАВИСИМОСТЬ ЛИЧНОСТИ КАК СИСТЕМНЫЙ ПРИЗНАК СТАНОВЛЕНИЯ ОТНОШЕНИЙ В ПАРАХ «МАТЬ–ДОЧЬ»^{*}

Н. Е. Харламенкова, Е. В. Кумыкова

Интерес к проблеме внутренней независимости личности обусловлен необходимостью поиска оснований развития у человека чувства авторства своей жизни, ее самобытности и подлинности. Методология подобного исследования в большей степени основывается на принятии в качестве ведущего принципа – принципа субъекта, в соответствии с которым человек рассматривается на высшем уровне активности, творчества и инициативности (А. В. Брушлинский). Таким же по значимости является принцип системности, поскольку, как показали наши исследования, внутренняя независимость личности выступает в качестве системного качества, которое связано с интегральным проявлением эмоциональных, поведенческих, мотивационных и когнитивных особенностей, определяющих специфику человеческих отношений.

В качестве объекта исследования была выбрана пара «мать–дочь». Причиной этого выбора стала особая природа отношений между матерью и дочерью, которой, с одной стороны, присущи близость и доверительность общения, а с другой – амбивалентность чувств, взаимная работа механизмов отождествления и разотождествления, обоюдное стремление к независимости.

Настоящая работа является продолжением диссертационного исследования «Психологические особенности внутренне независимых женщин молодого и зрелого возраста» (Кумыкова, 2010), в которой была представлена концептуальная модель внутренней

^{*} Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант № 10-06-00301а. Авторы благодарят А. В. Кеслер, выпускницу факультета психологии ГАУГН, за активное участие в сборе эмпирических данных и в первичном общении результатов.

независимости женщины; особый ракурс сравнения результатов позволил выявить различия в проявлении данного качества личности в молодом и зрелом возрасте. В работе показано, что внутренняя независимость женщины сопряжена с процессом идентификации с отцом и матерью, отражается на полоролевой идентичности женщины и на содержании образов «мужчина» и «женщина» в ее бессознательном. Одним из побочных результатов исследования следует считать установление связи между показателями внутренней независимости женщины и особенностями ее сепарации от родителей (прежде всего, от матери), что и стало основным предметом настоящего исследования.

В психологических работах взаимоотношения матери и дочери рассматриваются с разных точек зрения. Изучается роль матери в формировании и развитии личности ребенка (З. Фрейд, М. Кляйн, Д. Винникотт, М. Малер, Г. Г. Филиппова); исследуется феномен материнства как особенность потребностно-мотивационного и смыслового женского развития (М. Мид, К. Хорни, А. С. Спиваковская) и материнство как стадия личностной и половой идентификации (М. J. Gerson и др.); анализируются факторы риска, влияющие на качество взаимодействия «мать–ребенок» и на готовность к материнству (В. И. Брутман и др., М. С. Радионова).

В ряде исследований отношения «мать–дочь» определяются как особый тип детско-родительских отношений, акцент делается на диаде «мать–ребенок» как взаимно развивающейся системе элементов (М. Кляйн, Д. Винникотт, Дж. Боулби, Н. Е. Харламенкова, Т. С. Стоделова). Другой подход состоит в том, что и мать, и ребенок рассматриваются как активные субъекты взаимодействия (Е. О. Смирнова, С. Ю. Мещерякова, В. И. Брутман, М. С. Радионова, Е. А. Сергиенко); перспективность такого подхода очевидна и признается авторами статьи.

Настоящее исследование посвящено проблеме внутренней независимости матери и дочери (в том числе и проблеме внешней и внутренней сепарации), а также связи внутренней независимости с проявлениями женской, материнской роли и роли дочери, с ролевой интеграцией. Актуальность данного исследования состоит в том, что активная роль женщины в современном мире как субъекта собственных действий стала рассматриваться как определенная закономерность, которая требует научно обоснованной оценки и объяснения. Мать и дочь принадлежат к одному полу, поэтому процесс сепарации/индивидуации на разных этапах онтогенеза связан

с особыми трудностями: с выделением собственного Я при одновременной поддержке связи со своим женским началом, со становлением внутренней независимости, которая «организует автономность и целостность жизненного пути личности как субъекта жизнедеятельности» (Кумыкова, 2010, с. 3). Новизна исследования состоит в изучении механизмов становления внутренней независимости женщины в контексте отношений со своей матерью.

Цель исследования: провести системный анализ отношений матери и дочери с учетом организации пространства этих отношений (дистанции), уровня значимости субъектов этих отношений (уровня самооценки) и ролевой структуры (репертуара ролей) – ее разнообразия, выраженности и синхронности у матери и дочери с разным уровнем внутренней независимости.

Гипотезы исследования:

1. В парах «мать–дочь» с выраженными (у каждой из них) показателями по шкале внутренней независимости сопряженность личностных профилей не наблюдается, тогда как в зависимых парах (с высокими показателями по шкале зависимости отдельно как у матери, так и у дочери) профили значимо коррелируют.
2. Психологическое пространство внутренне независимых матери и дочери организуется по принципу дифференциации дистанции с близкими и менее близкими людьми. Отношения между матерью и дочерью в зависимых парах менее дистанцированы и менее дифференцированы.
3. Значимость собственной личности (самооценка) у независимых дочерей выше, по сравнению с более зависимыми.
4. Внутренне независимые матери и дочери имеют более широкий и интегрированный репертуар ролей, который проявляется в разнообразии эмоциональных, когнитивных и поведенческих реакций; у них не наблюдается ролевых синхроний, ролевой спутанности и узости ролевого репертуара.

Объект исследования: матери и дочери в возрасте 41–60 лет и 18–31 года соответственно.

Предмет исследования: внутренняя независимость/зависимость матери и дочери и ее системная реализация в построении отношений в широком контексте социальных связей, а также конкретно – в отношениях «мать–дочь» средствами разнообразного репертуара ролей.

Выборка: в исследовании приняли участие 26 пар респондентов (всего 52 человека). Возраст дочерей составлял от 18 до 31 года (средний возраст – 22 года), возраст матерей – от 41 до 60 лет (средний возраст – 43,8 лет). Важным условием в отборе испытуемых являлся факт наличия в семье других детей. В исследовании приняли участие только те пары, в семьях которых нет других дочерей (но допускалось наличие братьев).

Для изучения особенностей внутренней и внешней сепарации в паре «мать–дочь» использовались следующие методики:

1. 16-факторный личностный опросник Р. Кеттелла. Опросник использовался для сравнения личностных профилей матери и дочери, в том числе и по показателю внутренней независимости (F4 – фактор второго порядка «независимость») (Рукавишников, Соколова, 2003; Кумыкова, 2010).
 2. Тематический апперцептивный тест (ТАТ) Г. Мюррея (Леонтьев, 1998). Для изучения особенностей материнско-дочерних отношений респондентам предъявлялась одна таблица (8GF): изображение молодой женщины, которая, опираясь на руку, смотрит вдаль. Испытуемому по очереди давались 3 инструкции. Первоначально предъявлялась стандартная инструкция: «Это тест на фантазию и воображение. Я покажу Вам картинку и попрошу составить по ней рассказ. Это должен быть именно рассказ, а не описание картинки. Скажите, что происходит в данный момент, что предшествовало этой ситуации и чем она завершится в будущем. Опишите чувства и мысли персонажа (персонажей)». Далее респонденту предъявлялась вторая инструкция: «Представьте, что эта женщина ждет мужчину. Скажите, что происходит в данный момент, что предшествовало этой ситуации и чем она завершится в будущем. Опишите чувства и мысли персонажа (персонажей)». Обе инструкции предъявлялись и матери, и дочери. Третья инструкция для матери и дочери звучала по-разному: для матери – «Теперь представьте, что эта женщина ждет дочь», для дочери – «Представьте, что эта женщина ждет мать». Полученные рассказы определенным образом кодировались.
- А) Для кодировки рассказов дочери и матери (отдельно друг от друга) были выделены следующие категории: *роль и носитель роли* (главный герой) – мать, дочь, женщина, личность*; *другой пер-*

* Имеется в виду личная тема, когда рассказчик говорит о человеке, его планах, внутреннем мире, желаниях, чувствах безотносительно к какой-либо одной конкретной сфере его жизнедеятельности.

сонаж рассказа – мужчина, дети, другая женщина; *проработанность роли*: 1 – персонаж только называется; 2 – реализация роли через эмоции, действия или мысли; 3 – роль проявляется комплексно, т. е. проявляется в эмоциях, действиях, взаимодействии, диалоге; *оценка роли* – положительная, отрицательная, нейтральная; *конфликт*: 1 – нет внутреннего конфликта, гармоничность; 2 – более выражены личная тема и роль; 3 – более выражена женская тема; 4 – более выражена роль дочери; 5 – выражена роль матери; 6 – ролевой конфликт. Формальные критерии оценки отношений «мать–дочь»: *частота отношений*: 1 – часто, 2 – редко; *близость* матери и дочери: 1 – территориально близкие отношения (живут вместе), 2 – дистанцированные (живут далеко друг от друга); *реальность отношений*: 1 – реальные, 2 – воображаемые; *характер отношений*: 1 – преобладают эмоции, 2 – преобладают мысли, 3 – преобладают действия.

- Б) Кодировка рассказов в парах «мать–дочь» производилась по следующим параметрам: *соответствие ролям*: 1 – соответствие ролям матери и дочери; 2 – отсутствие соответствия, ролевая путаница; 3 – частичное смешение ролей; *синхронность нарушений ролевой структуры* (степень проработанности разных ролей одновременно у матери и дочери): 1 – нет нарушений (у обеих все три роли развиты); 2 – асинхронность нарушений (например, у матери доминирует женская роль, а у дочери – материнская), 3 – синхронное нарушение, т. е. выраженность у обеих женщин какой-либо одной роли (например, материнской или женской).
3. Опросник измерения самооценки Б. и Дж. Уайнхолд. Содержит 4 шкалы: умение устанавливать контакт; искусство принимать себя; умение оказывать влияние; искусство постоянства. Общий уровень самооценки респондентов определялся путем сложения баллов по всем шкалам (Уайнхолд, Уайнхолд, 2002).
 4. Методика PARI Е. Шеффера и Р. Белла (в адаптации Т. В. Нещерет) (Карелин, 2007). Опросник содержит 8 шкал, в которых отражается отношение женщины к семейной роли. Была проведена факторизация пунктов данного опросника (метод главных компонент с последующим вращением Varimax raw), в результате которой было выделено пять факторов: 1) самопожертвование в роли матери (собств. вес – 7,7; 19% объясняемой дисперсии); 2) ограниченность интересов женщины ролью матери, вынужденная погруженность в семью, несвобода (собств. вес – 3,3; 8% объясняемой дисперсии); 3) конфликт между материнской

- и женской ролью (собств. вес – 2,9; 7,1% объясняемой дисперсии); 4) строгость матери в воспитании ребенка (собств. вес – 2,6; 6,5% объясняемой дисперсии); 5) доминирование женщины в семье (собств. вес – 2,5; 6,3% объясняемой дисперсии).
5. Метод изучения межличностных отношений (шкала CIDS, Comfortable Interpersonal Distance Scale (Duke, Nowicki, 1972)) для оценки психологической дистанции. Шкала CIDS представляет собой восьмигранник с вписанной в него окружностью. Из центра окружности выходят 8 радиусов по 5 см, которые делят окружность на 8 секторов. Испытуемому предлагают представить себе, что он находится центре окружности, и дается следующая инструкция: «Посмотрите на рисунок перед вами. Представьте себе, что это большая круглая комната, вы находитесь в самом центре, там, где линии пересекаются. В этой комнате 8 дверей, у каждой есть свой номер. Через дверь в комнату заходит человек. Он движется по направлению к вам. Вы можете остановить его на том месте и на том расстоянии, на каком вам удобнее всего с ним общаться. Поставьте на этом месте крестик». В соответствии с целью и задачами исследования, в качестве воображаемых партнеров предлагались: 1) для матери – «мать», «отец», «мужчина вашего возраста», «женщина вашего возраста», «дочь», «молодой мужчина», «мальчик», «девочка»; 2) для дочери – «мать», «отец», «мужчина вашего возраста», «женщина вашего возраста», «пожилой мужчина», «пожилая женщина», «мальчик», «девочка». Расстояние измерялось линейкой в миллиметрах. Учитывались комментарии, которые давали респонденты при работе с методикой.

Для обработки результатов исследования использовался пакет прикладных программ статистической обработки данных Statistica 6.1: корреляционный анализ Спирмена, угловое преобразование Фишера, U-критерий Манна–Уитни, критерий Уилкоксона.

Результаты и их обсуждение

Психологическая связь между матерью и дочерью и формирование их внутренней независимости могут быть исследованы разными способами. Одним из них, например, является установление идентичности реакций двух людей на одни и те же стимулы. Юнг писал, что при использовании словесно-ассоциативного теста в огромном количестве семей был обнаружен «удивительный параллелизм в типах ассоциаций и реакций у определенных членов семей», сопри-

частность, которая на первый взгляд представляется абсолютной гармонией (Юнг, 1998, с. 88). Эти феномены обнаружены им в отношениях родителей и детей, а также в супружеских отношениях. В любом случае основанная «на сопричастности глубокая семейная гармония вскоре вызывает яростные попытки... освободиться, отделиться друг от друга» (там же, с. 91) с целью формирования собственной личностной идентичности.

Близость и тесная взаимосвязь матери и дочери в разные периоды жизни могут быть как препятствием, так и основанием для развития собственного Я, упрочения внутренней независимости. В проведенном нами исследовании сопричастность (по Юнгу) матерей и дочерей оценивалась нами путем сравнения личностных профилей. С этой целью была проведена корреляция личностных черт (профилей) (16-PF Кеттелла) и установлена степень связанности этих черт у матери и дочери. Результатом анализа корреляционных связей стало выделение двух групп респондентов. В первую группу вошли пары «мать–дочь», личностные черты которых оказались значимо связанными между собой на уровне $p \leq 0,05$ ($n=8$), во вторую – пары, личностные черты которых значимо не коррелировали ($n=18$).

На следующем этапе исследования была поставлена задача выявления различий между группами респондентов: отдельно между группами матерей и группами дочерей. Предполагалось, что уровень внутренней независимости ниже у матерей и дочерей, личностные профили которых коррелируют между собой. Оказалось, что матери, чьи личностные профили связаны с личностными профилями дочерей, более мечтательны, непрактичны (фактор первого порядка М; $U=30,0$; $p \leq 0,01$). Дочери, личностные профили которых коррелируют с материнскими профилями, более конформны и зависимы, по сравнению с теми, чьи профили не коррелируют с материнскими (фактор второго порядка F_4 ; $U=36,5$; $p \leq 0,048$).

Учитывая тот факт, что показатель «конформность–независимость» по нашим данным определяет степень связанности личностных профилей матери и дочери, вся выборка была разделена на группы по этому показателю с учетом медианного критерия. Первую группу составили пары «зависимая мать – зависимая дочь» ($n=8$), вторую – пары «независимая мать – независимая дочь» ($n=7$), третью – пары «зависимая мать – независимая дочь» ($n=9$), четвертую – «независимая мать – зависимая дочь» ($n=2$).

Важно отметить, что в первую группу – «зависимых» – вошли пары, у большинства из которых (у шести пар из восьми) личност-

ные профили коррелируют. Во вторую группу – «независимых» – вошли пары, у которых личностные профили не коррелируют (у шести из семи), а в третьей группе – «зависимая мать» и «независимая дочь» – оказались пары, у которых профили тоже не коррелируют (у восьми из девяти пар). Из этих данных следует, что первая наша гипотеза подтверждается. Малочисленность четвертой группы не позволяет нам анализировать полученные результаты, однако указывает на интересный факт: сочетание «независимая мать» – «зависимая дочь» в возрасте старше 20 лет встречается реже, чем «зависимая мать» – «зависимая дочь» (1 группа), что может указывать на специфику зависимости дочери в этот период жизни и рассматривать ее скорее как созависимость.

Дальнейший анализ результатов был построен таким образом, чтобы сначала сравнить между собой матерей и дочерей трех выделенных групп (исключая 4 группу) по дифференциации отношений с разными по степени близости людьми (методика CIDS), а затем провести анализ разных ролей, выполняемых женщиной, с тем, чтобы понять, насколько характеристика внутренней независимости женщины как матери, так и дочери сопряжена с гармонизацией ее ролевой структуры. Однако, прежде чем приступить собственно к анализу данных, структурируем сначала изучаемое нами множество выделенных переменных и представим план анализа результатов и последовательность проверки выдвинутых гипотез.

1. Началом анализа является изучение *психологического пространства*, в котором разворачиваются отношения матери и дочери (в том числе и с другими людьми), при этом основное внимание уделяется величине *психологической дистанции*, на уровне которой происходит взаимодействие матери и дочери между собой и с иными объектами (методика CIDS).
2. Далее анализируется *оценка себя* как более или менее значимого участника отношений, происходящих в определенном пространстве (опросник измерения самооценки Б. и Дж. Уайнхолд).
3. Затем исследуется *ролевая структура* и ее *целостность* у обследуемых субъектов (матери и дочери), которая показывает разнообразие и единство поведенческого репертуара каждой из анализируемых личностей (методика PARI Е. Шеффера и Р. Белла, а также переменные группы А методики ТАТ).
4. В завершении анализа проводится оценка *идентичности* поведенческих стратегий матери и дочери (синхрония/асинхрония)

относительно одной и той же ситуации (переменные группы Б методики ТАТ).

По результатам методики CIDS, профили матери и дочери 1 группы («зависимые») практически идентичны (см. рисунок 1), лишь по отношению к объекту «мужчина вашего возраста» наблюдаются различия, причем, по сравнению с дочерью, для матери этот объект располагается значительно ближе, но она дальше перемещает другой объект – «молодого человека», который ассоциируется ею с другом или мужем дочери. По сравнению с двумя остальными группами матерей, дистанция с другими людьми у матерей группы 1 выглядит как самая близкая. По методике PARI различия между матерью и дочерью первой группы были выявлены только по шкале «строгость матери в воспитании ребенка» ($T=1$, $p \leq 0,046$), причем именно дочь планирует воспитывать своих детей в большей строгости.

Профили матери и дочери второй группы – «независимая мать – независимая дочь» – также практически совпадают (см. рисунок 2), однако от результатов первой группы отличаются тем, что дистанция с близкими людьми – «дочь», «мать» – гораздо ближе, чем с менее близкими – «мужчина вашего возраста», «женщина вашего возраста». Кроме того, более отстраненными видятся отношения с отцом и у матери, и у дочери. Наибольший контраст в отношениях с близ-

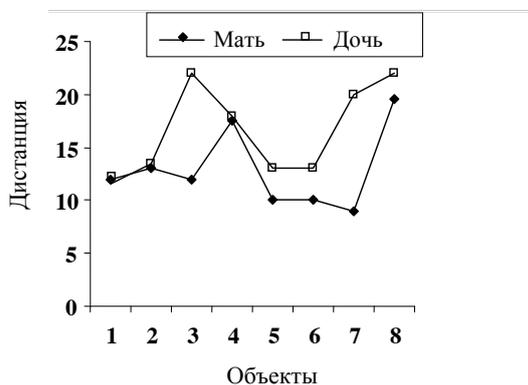

Рис. 1. Психологическая дистанция с объектами (1–8) у матери и дочери в паре «зависимая мать – зависимая дочь» (по данным методики CIDS)

Здесь и на рисунках 2–5: 1 – «мать», 2 – «отец», 3 – «мужчина вашего возраста», 4 – «женщина вашего возраста», 5 – «мальчик», 6 – «девочка», 7 – «дочь» (для матери) / «пожилая женщина» (для дочери), 8 – «молодой человек» (для матери) / «пожилой мужчина» (для дочери).

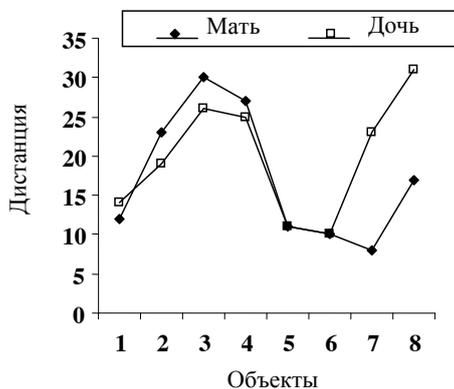

Рис. 2. Психологическая дистанция с объектами (1–8) у матери и дочери в паре «независимая мать – независимая дочь» (по данным методики CIDS)

кими и менее близкими людьми наблюдается у матерей, которые значимо дальше, чем дочери, располагают объекты «мужчина вашего возраста» ($T=1, p \leq 0,03$) и «женщина вашего возраста» ($T=1,5, p \leq 0,05$). Различий по самооценке и по отношению к семейным ролям (методика PARI) между матерью и дочерью не выявлено.

В третьей группе («зависимая мать» и «независимая дочь») профиль матери (по данным методики CIDS) близок к профилю независимой матери, который был проанализирован выше (см. рисунок 3). Наблюдается дифференциация в отношениях к близким и к менее близким людям. Специфика данной группы состоит в том, что самая короткая дистанция установлена с отцом. Этот результат сближает матерей третьей группы с первой ($U=28,0, p \leq 1,0$) и показывает, что зависимость матери во многом может определяться значимостью для нее фигуры отца, а также близостью с собственной матерью. Контрастом является дистанция, установленная с объектом «молодой человек», который рассматривается матерью как близкий приятель дочери и определяется на самое отдаленное от матери место. Девушки этой группы (т. е. дочери), несмотря на их независимость (по данным 16-PF), демонстрируют максимально близкие отношения с матерью и с отцом. Эта дистанция настолько мала, что можно говорить о слиянии, симбиозе со своими родителями. Также близко дочери этой группы воспринимают отношения с «мальчиком» и «девочкой», которые видятся даже как более тесные, чем отношения их матерей к этим же объектам ($T=3, p \leq 0,02$; $T=3,5, p \leq 0,02$

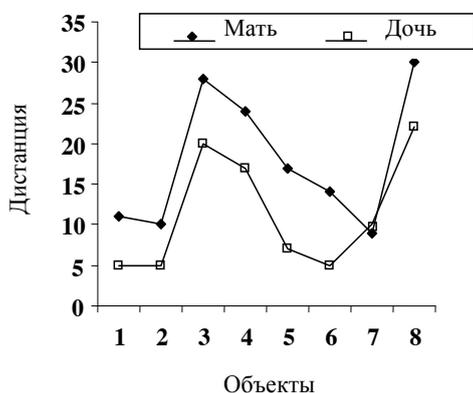

Рис. 3. Психологическая дистанция с объектами (1–8) у матери и дочери в паре «зависимая мать – независимая дочь» (по данным методики CIDS)

соответственно). Зная, что у этих респондентов пока еще нет своих детей, можно предположить, что близость дистанции с мальчиком и девочкой характеризует их собственного внутреннего ребенка, и в какой-то степени показывает внутреннюю зависимость от других объектов, характеризуя их как амбивалентных по критерию зависимости/независимости. Отличий в семейной роли между матерью и дочерью данной группы не было выявлено, однако получены различия по самооценке. У дочерей этой группы более выражена способность принимать себя ($T=3$, $p \leq 0,04$), и по суммарному показателю их самооценка (правда, лишь в тенденции) выше самооценки матери ($T=7,5$, $p \leq 0,06$).

На рисунке 4 отдельно показаны профили матерей трех сравниваемых групп. Хорошо видно, что для матерей первой группы психологическая дистанция со всеми анализируемыми объектами является такой же близкой, как и дистанция со своей дочерью, кроме объекта «молодой человек».

Матери второй и третьей групп, наоборот, способны дифференцировать отношения с близкими и менее близкими людьми.

На рисунке 5 представлены профили дочерей трех исследуемых нами групп и видна специфика каждой из них, прежде всего по отношению к матери и к отцу.

Гипотеза о том, что психологическое пространство внутренне независимых матерей и дочерей организуется по принципу дифференциации дистанции с близкими и менее близкими людьми,

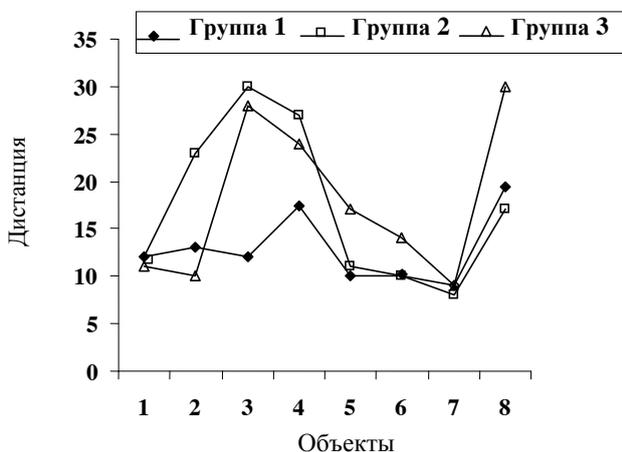

Рис. 4. Психологическая дистанция объектами (1–8) у матерей трех групп

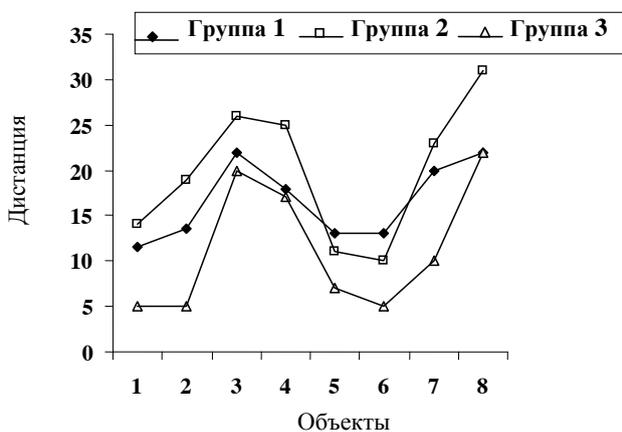

Рис. 5. Психологическая дистанция с объектами (1–8) у дочерей трех групп

а отношения между матерью и дочерью в зависимых парах менее дистанцированы и менее дифференцированы, подтверждается. Сравнение дочерей по самооценке и предпочитаемым ролям показало, что у независимых дочерей третьей группы выше самооценка, чем у независимых дочерей второй группы ($U=13$, $p \leq 0,04$); другие различия по самооценке выявлены не были. В первой группе у зависимых дочерей, по сравнению со второй группой независимых дочерей, выше показатель самопожертвования в роли матери

($U=6,5$, $p \leq 0,01$) и показатель конфликта между материнской и женской ролью ($U=10,5$, $p \leq 0,04$). Третья гипотеза о том, что уровень самооценки у независимых дочерей выше, чем у зависимых дочерей, не подтверждается.

Используемые нами опросники, направленные на диагностику самооценки и семейных отношений, не позволили получить достаточную информацию о взаимоотношениях дочери с матерью, а также о специфике материнской и женской роли в разных группах респондентов, об особых феноменах, которые возникают в выделенных нами парах. Поэтому с целью получения интересующей нас информации мы обратились к анализу рассказов ТАТ.

План анализа рассказов включил в себя общее представление о соотношении разных ролей в трех группах респондентов, о специфике женской и материнской роли, которая оценивалась в разных контекстах – в парах внутри групп и между группами, отдельно у матери и у дочери.

Стандартная инструкция (в нашем исследовании ее можно считать свободной инструкцией), в соответствии с которой составлялся *первый рассказ*, позволила выделить приоритетные жизненные темы в трех группах респондентов. Оказалось, что женщины второй группы сочетают в одном рассказе две или даже три темы – личную, материнскую и женскую, причем в ролевом аспекте они являются развернутыми и проявляются в эмоциональном, ментальном и поведенческом планах. По сравнению с этой группой, в первой ($\varphi=2,5$, $p \leq 0,01$) и третьей группах ($\varphi=1,64$, $p \leq 0,05$) такие феномены являются исключением. Особенности пар, где и у матери, и у дочери высоки показатели психологической независимости (группа 2), состоят еще и в том, что у них не встречается совпадения ролей в рассказах матери и дочери, придуманных по первой инструкции, тогда как в группах 1 и 3 совпадение ролей статистически значимо отличается от 2 группы ($\varphi=2,023$, $p \leq 0,05$; $\varphi=1,9$, $p \leq 0,05$ соответственно). Такая синхрония в отношениях матери и дочери показывает схожесть и одновременно – узость их реакций на жизненные обстоятельства.

Женская тема и женская роль (*второй рассказ*) реализуются во второй группе в чувственных проявлениях (как позитивных, так и негативных), а также в обдумывании, планировании отношений с мужчиной, в осуществлении деятельности и поведении. Если для зависимых матери и дочери (группа 1) нетипична эмоциональная составляющая отношений с мужчиной (роль ограничивается реальными и воображаемыми действиями), а для зависимой матери

и независимой дочери (группа 3) отношения строятся или в чувственном плане, или в плане действенном, или в плане представления, то для группы 2 все три аспекта роли проявляются одновременно, причем как в рассказах матери, так и в рассказах дочери. Полнота личной и женской ролей, как нам думается, во многом определяется спецификой отношений «мать–дочь», к анализу которой переходим далее.

Первым этапом анализа отношений «мать–дочь» (третий рассказ) стало сопоставление рассказов матерей и дочерей внутри выделенных групп по таким формальным характеристикам, как частота контактов, наличие дистанции, реальность отношений, характер отношений (эмоции, мысли, действия), участие третьего персонажа.

Зависимые мать и дочь (группа 1) различаются по частоте контактов, по наличию дистанции: мать, в отличие от дочери, считает контакты с нею более частыми ($\varphi=2,74$, $p\leq 0,01$) и менее дистанцированными ($\varphi=3,39$, $p\leq 0,01$). Обими отношения рассматриваются как уравненные по критерию воображаемые/реальные. Между матерью и дочерью не наблюдается различий по характеру отношений (эмоции, мысли, действия). Специфика группы состоит в том, что как у матери, так и у дочери наиболее выражена эмоциональная (грусть, печаль, тревога, реже радость у обеих персонажей) и поведенческая (причем преимущественно совместные действия, а также опекающее поведение – забота и уход) составляющие отношений. Вводится достаточное количество дополнительных персонажей. Для рассказов дочери типичной фигурой, участвующей в отношениях с матерью, является отец.

Независимые мать и дочь (группа 2) различаются по таким формальным показателям, как дистанция и реальность отношений, а на уровне тенденции – и по частоте отношений. Оказалось, что матери считают их отношения с дочерьми близкими, менее дистанцированными ($\varphi=1,8$, $p\leq 0,05$), построенными преимущественно в сфере воображения ($\varphi=2,46$, $p\leq 0,01$), и частыми. Иными словами, близость и частота отношений видятся матерью только в воображении, что, по-видимому, характерно для переживаний матери относительно сепарации дочери. Дочь, наоборот, рассматривает отношения с матерью как реальные, редкие и дистанцированные. В этой группе респондентов уравниваются эмоции, мысли и действия. У матери чаще всего проявляются положительные эмоции – любовь, спокойствие, радость, доверие, у дочери амбивалентные – беспокойство, радость, вера. Действия в основном паритетные, симбиотические

связи отсутствуют. Мать и дочь находятся в положительном контакте, могут осуществлять совместные действия, однако каждая в этом взаимодействии выполняет свою задачу. Дублирование, контроль, замещение не наблюдаются.

В третьей группе различия между матерью и дочерью по формальным показателям отсутствуют. Обе считают свои отношения частыми ($\varphi=0,4$, $p>0,05$), близкими ($\varphi=0,14$, $p>0,05$) и реальными ($\varphi=0,97$, $p>0,05$). В рассказах дочерей не всегда можно оценить отношения с матерью по выделенным критериям, т. е. частота, близость и реальность отношений не обсуждается, ненамеренно опускается. Соотношение эмоций, мыслей и действий в рассказах матери идентично таковому в группе 1, однако эмоции и действия имеют свою специфику: первые амбивалентны (грусть, радость, отрицание негативных чувств), вторые – вербальны («поговорить», «обсудить»). У дочери соотношение эмоций, действий и мыслей идентично таковым в группе 2 и более гармонично, по сравнению с матерью. Эмоции позитивные, отношения с матерью теплые и оцениваются как положительные. В качестве дополнительного персонажа в рассказах матери присутствует друг, возлюбленный дочери.

Итак, сравнение особенностей отношения с дочерью у матерей всех трех групп показало, что матери – вне зависимости от их принадлежности к группе и их психологической независимости – склонны считать отношения с дочерьми частыми (постоянными) и близкими (недистанцированными). Однако матери второй группы переносят отношения с дочерью на уровень фантазии, воображения и по этому показателю отличаются от матерей первой группы ($\varphi=2,03$, $p\leq 0,05$) и третьей группы ($\varphi=2,55$, $p\leq 0,01$). По показателю «эмоции–мысли–действия» более гармоничны матери второй группы. По категории «мысли» получены различия с первой группой ($\varphi=1,91$, $p\leq 0,05$) и отсутствуют различия с третьей группой ($\varphi=0,5$, $p>0,05$). Матери второй группы не вводят в рассказы дополнительных персонажей, в отличие от матерей других групп, т. е. не ищут дополнительной опоры и не создают основы для конфликтов.

Сравнение дочерей разных групп выявило, что по близости и дистанции в отношениях с матерью дочери групп 1 и 2 не отличаются друг от друга – эти отношения рассматриваются как редкие и дистанцированные, однако дочери второй группы в большей степени относят их в область реальности. Таким образом, если для зависимых дочерей эта дистанция возможна только в воображении, то у независимых она вполне реальна. Наиболее выражены различия

между первой и третьей группами. Дочери третьей группы склонны рассматривать отношения с матерью и как частые, и как редкие, воспринимают их близкими. По сравнению с дочерьми 1 группы, они указывают на готовность общаться с матерью часто ($\varphi=1,84$, $p\leq 0,05$), не держат дистанцию ($\varphi=2,62$, $p\leq 0,01$), не демонстрируют предпочтений в характере отношений (и реальные, и воображаемые). Третья группа отличается по уровню дистанции с матерью и от второй группы ($\varphi=2,04$, $p\leq 0,01$). Иными словами, декларируемая независимость дочерей третьей группы (по Кеттеллу) не соотносится с данными по психологической дистанции (шкала CIDS) и с данными ТАТ, которые, наоборот, показывают стремление к зависимости и слиянию.

Следует сделать вывод о том, что *независимые отношения с матерью во многом определяются поведением дочери*. По соотношению эмоций, мыслей и действий дочери второй группы, также как их матери, более гармоничны, чем респонденты других групп. Значительно выражены положительные чувства по отношению к матери. У дочерей первой группы выявлены эмоции грусти, тревоги, скуки (без матери), тенденция к совместным действиям с матерью, к обдумыванию вместе с ней своих планов на будущее. Дочери третьей группы, как и дочери второй группы, гармоничны, но их матери, скорее, похожи на матерей первой группы. Эмоции позитивны, оценивают отношения с матерью как теплые, действия в основном вербальные.

Для выявления особых феноменов и их синхронности у матери и дочери был проведен качественный анализ рассказов. Учитывались следующие показатели: структура ролей и степень их выраженности, а также идентичность ролевых структур дочери и матери; наличие различий и их особенности; специфические ролевые феномены в трех группах респондентов. Для создания более полного представления об изучаемом явлении внутренней независимости женщины и ее проявления в парах «мать–дочь» анализ выявленных феноменов будет осуществлен с одновременной интерпретацией всех результатов.

Взаимозависимость ребенка и матери является важнейшим условием полноценного физического и психического развития младенца. Однако уже в самые первые месяцы жизни (а согласно современным исследованиям по пренатальному развитию ребенка, и раньше) эта пара стремится не только к установлению согласованных отношений, но и к развитию своей индивидуальности. В течение всей

жизни стремление человека к обретению автономии проверяется в разнообразных по степени близости и длительности контактах. Однако отношение с матерью, особенно со стороны дочери, имеет свою специфическую природу и неповторимую историю.

В подростковый период стремление завоевать свою независимость может приобретать вычурные, гипертрофированные формы, сопровождаться конфликтами и такими реакциями, как негативизм, демонстративное поведение, агрессивными поступками, девиациями. В юношеском возрасте и старше сепарационные тенденции могут быть более конструктивными и продуктивными. Как известно, в этот период жизни помощь и участие матери в судьбе дочери не перестают быть важными, но им нередко продолжают сопутствовать назидательность и властность, скрывающие внутреннюю несвободу матери и хрупкость ее личностной организации.

В настоящем исследовании группа женщин с высокими показателями зависимости (первая группа) составила 31% от всей исследуемой выборки. В своем большинстве личностные профили матери и дочери в этой группе респондентов попарно связаны, т. е. сходны по мотивационным и эмоциональным реакциям. При этом зависимая мать тотально стремится к установлению близких отношений со всеми объектами и практически не дифференцирует их по критерию психологической дистанции. Единственный объект, который она оставляет на достаточном расстоянии, – это молодой человек возраста дочери: по-видимому, потому, что он представляет собой определенную угрозу для симбиотического союза между матерью и дочерью.

Профиль дочери по психологической дистанции практически идентичен профилю матери. Все объекты близки и доступны, кроме объекта «мужчина вашего возраста»: он располагается по отношению к ней на той же дистанции, на которой мать располагает объект «молодой мужчина». Этот нюанс указывает на специфичность пары «мать–дочь», личностная зависимость которых проявляется в сопряженности их личностных профилей и установок на жизненные отношения, в том числе и с другими субъектами.

Кроме того, показана близость ролевых стратегий матери и дочери, которые синхронно актуализируются в конкретной ситуации. Женские роли ограничены сферой реальных и воображаемых действий с партнером, эмоционально бедны. Материнская роль и роль дочери насыщены эмоционально-негативными реакциями и проявляют себя в организации совместных недифференцированных

действий, в которых отсутствует распределение ролей. Установление более свободных отношений с матерью допускается дочерью только в сфере воображения.

Изучение ролевых структур матери и дочери показало частое совпадение профилей с доминированием материнской или женской ролей, наблюдались и асинхронные явления компенсаторной природы. Так, симбиотические отношения в паре (при дефицитарной материнской роли у матери) часто находили проявление в путанице ролей, в принятии роли матери дочерью и в отрицании ею роли дочери. Дефицитарная женская роль у матери приводила к построению дочерью сложных отношений с мужчинами, к проблеме выбора между двумя партнерами. Среди выделенных нами феноменов, типичных для зависимых матери и дочери, оказались: симбиоз, компенсация дефицитарных ролей матери (в том числе у дочери – самопожертвованием в роли матери (по CIDS)), путаница ролей, синдром покинутости, эмоциональная холодность, дефицит личной темы. «Синдром покинутости в основном связан с проблемой любви, – пишет Мария Луиза фон Франц. – У мужчины так проявляется проблема Анимы, проблема женщины, проблема эроса... у женщины, наоборот, оказывается недостаточной связь с Анимусом» и блокируется доступ к бессознательному (Франц, 2007, с. 35). Синдром покинутости возникает после расставаний, которые ребенок пережил в раннем детстве и не смог понять и принять их или же был лишен этого понимания самими родителями, которые не прояснили ему его тревогу. Обычно так поступают мать или отец, которые сами боятся разлуки. Именно поэтому зависимость в данном случае может быть «синдромом предков» и передаваться от поколения к поколению. Значит ли это, что нам не следует рассматривать взаимную зависимость матери и дочери как исходную точку в развитии их автономии? Думается, что нет, поскольку выявленный синдром был обнаружен лишь у части выборки женщин первой группы, значит, следует ожидать, что остальные пары могут развивать свою автономию без решения острых проблем, вызванных трансгенерационной передачей опыта (Шутценбергер, 2001).

Примером такой автономии выступает пара «независимая мать – независимая дочь» (группа 2; 27% от численности выборки). Исследование показало, что по результатам методики CIDS их профили также практически совпадают. Однако, по сравнению с первой группой, психологическая дистанция матери и дочери различается

при учете степени близости (родства) человека, с которым устанавливается контакт (менее близкий человек размещается дальше); отстраненными видятся отношения с отцом, как у самой матери, так и у дочери.

По данным ТАТ, независимые матери и дочери различаются по всем формальным показателям – по дистанции, характеру и частоте отношений. Матери считают отношения с дочерью близкими, частыми, построенными преимущественно в сфере воображения, а дочери, наоборот, рассматривают отношения с матерью как реальные, редкие и дистанцированные. В этой группе респондентов уравниены и интенсивно выражены эмоции, мысли и действия. У матери в общении с дочерью возникают положительные эмоции, у дочери амбивалентные. Взаимодействие построено на паритетных основаниях, симбиотические связи отсутствуют, совместные действия осуществляются в виде партнерства. При восприятии одной и той же ситуации не наблюдается синхроний, ролевая структура интегрирована, конфликт между ролями отсутствует. В отличие от группы зависимых женщин, у независимых матерей и дочерей выражена личная тема, которая сочетается в рассказах с материнской и женской ролью. Наиболее частыми феноменами у матери являются сохранение с дочерью теплых, но дистанцированных отношений, гармоничное соотношение материнской, женской ролей и личной темы, наличие у матери полномочий оценивать правильность поведения дочери (умеренный контроль). У дочери наблюдается развитая женская идентичность, паритетные отношения с матерью и взаимная теплая, но дистанцированная коммуникация. Сравнивая между собой первую и вторую группы, можно сделать вывод о подтверждении четвертой гипотезы, согласно которой внутренне независимые матери и дочери имеют более широкий и интегрированный репертуар ролей, который проявляется в разнообразии эмоциональных, когнитивных и поведенческих реакций; у них не наблюдается синхроний, спутанности и узости ролевого репертуара.

Рассматривая пары зависимых и независимых женщин, следует обозначить их как две крайности, два полюса в отношениях «мать–дочь», между которыми можно найти промежуточные варианты. Один из таких вариантов представлен третьей группой (35% от общей численности выборки) – «зависимая мать – независимая дочь». Профили матерей этой группы (по данным методики CIDS) оказались более близки к аналогичному профилю независимой ма-

тери из второй группы, т. е. дифференцированными по параметру «дистанция» в зависимости от степени близости к объекту взаимодействия. Однако существенное отличие матерей этой группы состоит в крайне близком контакте со своей матерью и со своим отцом. Возможно, отец не смог повлиять на симбиоз уже взрослой женщины со своей матерью, и поэтому она осталась в тесной связи с обоими родителями. У дочери еще более близкие отношения с родителями, которые все вместе составляют, если можно так сказать, *симбиотическую триаду*. Как же понять амбивалентность дочери по показателю личностной зависимости/независимости? С нашей точки зрения, ее амбивалентность – результат сочетания внутренней зависимости и внешней независимости, следствие непроработанности проблемы с точки зрения внутренних, по С. Л. Рубинштейну, условий.

По рассказам ТАТ, различия по формальным показателям детско-родительских отношений не были выявлены между матерью и дочерью, и эти отношения воспринимаются как частые, близкие и реальные, отражая истинную позицию дочери, которая прикрыта «ширмой» внешней автономии, внешней независимости.

В качестве особых феноменов на бессознательном уровне в третьей группе выявлены: отрицание дочерью собственной роли – роли дочери, формальность/упрощение женской роли, конфликт с матерью, доминирование личной темы. Выражены реакции отрицания, отказа, избегания. Кроме упрощения роли, остальные феномены матери и дочери не совпадают. Единично встречаются такие феномены первой группы, как симбиоз (у матери), путаница ролей (у обеих), и такие особые, уникальные феномены, как отрицание матерью своей судьбы, жизни и принятие дочерью материнской роли, реализация стратегии приближения/удаления по отношению к матери.

Охватывая единым взглядом полученные нами результаты, отметим, что внутренняя независимость отдельной личности должна исследоваться преимущественно в пространстве ее отношений с другими людьми, особенно с теми, кто ей наиболее близок и дорог. Ведь по тому, как строятся отношения с людьми, находящимися на одной психологической территории, можно определить специфику отношений со всем миром в целом, показывая, что наиболее трудный путь достижения внутренней независимости – это путь сепарации от того человека, от которого сепарироваться сложнее всего, – от своей матери.

Заключение

Рассматривая внутреннюю независимость как системный признак развития отношений в парах «мать–дочь», мы имели в виду, что ощущение своей автономии, авторства своей жизни определяет все многообразие человеческих отношений, меняя не только представление о себе, но и представление о других субъектах, о мире в целом. Было показано, что в особых отношениях, в отношениях между матерью и дочерью, это – обоюдный процесс, захватывающий обоих. Вместе с тем было замечено, что в возрасте ранней взрослости и старше наиболее активным субъектом изменения способа функционирования пары «мать–дочь» является именно дочь, поскольку различия между матерями исследуемых групп оказались незначительными. Были определены особенности этих отношений, которые проявились в сепарации или симбиозе в реальном и воображаемом контакте. Обнаружено, что зависимые матери и дочери (первая группа) находятся в реальном симбиозе, а истинно независимые дочери (вторая группа) – в реальной сепарации. Дочери, декларирующие независимость, но на самом деле пребывающие в состоянии внутренней зависимости (третья группа), склонны к путанице ролей и к принятию роли взрослой женщины при недостаточной внутренней зрелости. Показано, что зависимые дочери дистанцируются от матери в воображаемых взаимоотношениях с ней, а независимые матери, имеющие независимых дочерей, в своей фантазии сближаются с ними. Декларируемая, внутренне непроработанная независимость реализуется в противоречивом стремлении одновременно и к близости, и к изоляции и в каждом из этих случаев проявляется в самых разных плоскостях – в плоскости эмоций, когниций, а также в реальном и воображаемом поведении, в отношениях не только с матерью, но и с другими людьми.

Литература

- Большая энциклопедия психологических тестов / Под ред. А. А. Карелина. М.: Эксмо, 2007. С. 298–305.
- Брушлинский А. В. Психология субъекта. М.: Изд-во «Институт психологии РАН»; СПб.: Алетейя, 2003.
- Боулби Дж. Привязанность. М.: Гардарики, 2003.
- Брутман В. И., Варга А. Я., Хамитова И. Ю. Влияние семейных факторов на формирование девиантного поведения матери // Психологический журнал. 2000. Т. 21. № 2. С. 79–87.

- Винникот Д. Маленькие дети и их матери. М.: Независимая фирма «Класс», 1998.
- Кляйн М., Айзекс С., Райвери Д., Хайманн П. Развитие в психоанализе. М.: Академический проект, 2001.
- Кумыкова Е. В. Психологические особенности внутренне независимых женщин молодого и зрелого возраста: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2010.
- Леонтьев Д. А. Тематический апперцептивный тест. М.: Смысл, 1998.
- Мид М. Культура и мир детства. М.: Наука, 1989.
- Мещерякова С. Ю. Психологическая готовность к материнству // Вопросы психологии. 2000. № 5. С. 18–27.
- Малер М. С., Пайн Ф., Бергман А. Психологическое рождение человеческого младенца: Симбиоз и индивидуация. М.: Когито-Центр, 2011.
- Радионова М. С. Динамика переживания женщиной кризиса отказа от ребенка: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1997.
- Рукавишников А. А., Соколова М. В. Факторный личностный опросник Р. Кеттелла: Методическое руководство. СПб.: Иматон, 2003.
- Русалов В. М., Гусева О. В. Сокращенный вариант личностного опросника Кеттелла (8PF) // Психологический журнал. 1990. Т. 11. № 1. С. 34–48.
- Сергиенко Е. А. Природа субъекта: онтогенетический аспект // Проблема субъекта в психологической науке / Отв. ред. А. В. Брушлинский, М. И. Воловикова, В. Н. Дружинин. М.: Академический проект, 2000. С. 184–203.
- Смирнова Е. О. Теория привязанности: концепция и эксперимент // Вопросы психологии. 1995. № 3. С. 139–151.
- Спиваковская А. С. Психотерапия: игра, детство, семья. М.: Апрель-Пресс-Эксмо, 1999.
- Уайнхолд Б., Уайнхолд Дж. Освобождение от созависимости. М.: Независимая фирма «Класс», 2002.
- Франц М.-Л., фон Кошка. Сказка об освобождении фемининности. М.: Независимая фирма «Класс», 2007.
- Фрейд З. Психоанализ. Религия. Культура. М.: Владос, 1998.
- Филиппова Г. Г. Психология материнства. М.: Изд-во Института психотерапии, 2002.
- Харламенкова Н. Е., Стоделова Т. С. Изменение отношений в диаде «мать–ребенок» и динамика образа матери в подростковом возрасте // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. Серия «Педагогика.

Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика». 2011. Т. 17. № 1. С. 145–154.

Хорни К. Женская психология. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 1993.

Шутценбергер А. Синдром предков: Трансгенерационные связи, семейные тайны, синдром годовщины, передача травм и практическое использование геносоциограммы. М.: Издательство Института Психотерапии, 2001.

Юнг К. Тэвистокские лекции. М.: Рефл-бук, 1998.

Duke M., Nowicki S. A new measure and social learning model for interpersonal distance // *Journal of Experimental Research in Personality*. 1972. № 6. P. 1–17.

Gerson M. J. A Baby, Maybe: Crossing the Parenthood Threshold. In *Casebook for Integration Family Therapy: An Ecosystemic Approach* / Eds S. McDaniel, D.-D. Lusteran, C. L. Philpot. Chapter 8. 2001. P. 103–110.